

Мария Владимировна Корогодина

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского отдела рукописей, Библиотека Российской академии наук (199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1)

E-mail: mvkorogod@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7170-8688>

Алексей Владимирович Сиренов

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7)

E-mail: sirenov@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2862-7414>

О достоверности имен древнейших новгородских княгинь Анны и Александры

Аннотация

Статья посвящена проблеме достоверности имен древнейших новгородских княгинь — матери и жены новгородского князя XI в. Владимира Ярославича, строителя древнейшего новгородского храма — Софийского собора. На основе анализа письменных источников авторы статьи установили, что имя матери Владимира Ярославича — *Анна* — появляется в начале XVI в., при новгородском архиепископе Геннадии, в рукописных служебниках, а имя его жены — *Александра* — в составленном в 1559 г. Синодике в неделю Православия новгородского Софийского собора. Ранее XVI в. их имена в Новгороде были неизвестны. В статье выдвинуто предположение, что *Анной* мать князя Владимира Ярославича назвали потому, что на рубеже XV–XVI вв. сохранялась память о погребении княгини в непосредственной близости от придела Иоакима и Анны. Посвящение придела святой Анне в Новгороде восприняли как указание на имя погребенной рядом княгини. Имя *Александра* в отношении жены Владимира Ярославича появилось в результате путаницы имен княгинь в новгородском Синодике, предназначенном для ежедневного поминания умерших, который был составлен в 1558 г. В действительности в этом синодике *Александрой* названа не новгородская княгиня, а вторая жена московского князя Ивана Калиты. При составлении новгородского Синодика в неделю Православия в 1559 г. московская княгиня XIV в. Александра была принята за жену новгородского князя Владимира Ярославича, жившую в XI в. Таким образом, оба имени древнейших новгородских княгинь, *Анна* и *Александра*, являются результатом ошибочных средневековых атрибуций и не могут быть признаны достоверными.

Ключевые слова

княжеский ономастикон Древней Руси; новгородские княгини XI в.; история Древней Руси; история России XVI в.; древнерусская поминальная практика; источниковедение истории России; генеалогия; некрополистика; синодики

Для цитирования

Корогодина М. В., Сиренов А. В. О достоверности имен древнейших новгородских княгинь Анны и Александры // Вопросы ономастики. 2025. Т. 22, № 2. С. 31–49. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.015

Рукопись поступила в редакцию 07.08.2024

Рукопись принята к печати 15.01.2025

Maria Vladimirovna KOROGODINA

DrHab, Chief Research Fellow of the Scientific Research Department of Manuscripts, the Library of the Russian Academy of Sciences (1, Birzhevaja Line, 199034 St Petersburg, Russia)

Email: mvkorogod@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7170-8688>

Aleksey Vladimirovish SIRENOV

DrHab, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (7, Petrozavodskaja St., 197110 St Petersburg, Russia)

Email: sirenov@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2862-7414>

On the Authenticity of the Names of the Earliest Novgorod Princesses: Anna and Alexandra

Abstract

This article addresses the question of the authenticity of the names attributed to two early Novgorod princesses, the mother and the wife of the 11th-century Prince Vladimir Yaroslavich, founder of Novgorod's oldest cathedral, St Sophia. Through an analysis of written sources, the authors establish that the name Anna, attributed to Vladimir's mother, first appears in the early 16th century during the episcopacy of Archbishop Gennady, in manuscript Euchologia. The name Alexandra, ascribed to his wife, surfaces in the Synodikon of Orthodoxy compiled in 1559 for the St Sophia Cathedral. There is no evidence of either name in Novgorod prior to the 16th century. The article proposes that the attribution of the name Anna likely arose from the location of the princess's burial near the Chapel of Joachim and Anna, with the dedication to Saint Anne being retrospectively interpreted as an indicator of her personal name. The name Alexandra, meanwhile, appears to result from a confusion of identities in the 1558 commemorative Synodikon. Rather than referring to Vladimir's wife, it originally denoted *Alexandra*, the second wife of the 14th-century Muscovite prince Ivan Kalita. When compiling the Novgorod Synodikon of Orthodoxy, this later Muscovite princess was erroneously identified as the wife of the 11th-century Novgorod prince. The study concludes that both names, *Anna* and *Alexandra*, assigned to the earliest Novgorod princesses are products of mistaken medieval attribution and cannot be regarded as historically authentic.

Keywords

princely onomasticon of Old Rus'; Novgorod princesses of the 11th century; history of Old Rus'; history of Russia of the 16th century; ancient Russian memorial practice; source study of the history of Russia; genealogy; necropolistics; Synodikon

For citation

Korogodina, M. V., & Sirenov, A. V. (2025). On the Authenticity of the Names of the Earliest Novgorod Princesses: Anna and Alexandra. *Voprosy onomastiki*, 22(2), 31–49. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2025.22.2.015

Received on 7 August 2024

Accepted on 15 January 2025

Введение

Ономастикон древнерусских князей уже давно используется исследователями как эффективный инструмент изучения разных вопросов внутренней, внешней политики и культуры Древней Руси [Молчанов 1992; 1994; Литвина, Успенский 2006; 2020; Пчелов 2020; и др.]. При этом далеко не все имена представителей княжеского дома Рюриковичей содержатся в источниках домонгольского времени. Некоторые из них донесла до нас поздняя историческая традиция. В таких случаях использованию этой информации должно предшествовать тщательное источниковедческое исследование.

Вызывает сомнения достоверность сведений, согласно которым мать новгородского князя Владимира Ярославича (1020/21–1052), строителя собора Святой Софии, звали *Анной*, а его жену — *Александрой*, поскольку источники домонгольского времени об этих княгинях не знают. Однако эти сведения еще в XIX в. вошли как в научную, так и в популярную литературу, а княгиня Анна, чьи мощи покоятся в новгородском Софийском соборе, почитается в лике святых [Корпела 2009: 107]. Данная статья — попытка изучить вопрос об именах древнейших новгородских княгинь на материале дошедших до нас письменных источников. Княгини *Анна* и *Александра* в письменных источниках появляются в разное время, поэтому рассмотрим их по отдельности.

Княгиня Анна

Женой Ярослава Мудрого, матерью новгородского князя Владимира Ярославича в 1019 г. стала шведская принцесса Ингигерд [Назаренко 2001: 489–496]. Из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона известно, что на Руси Ингигерд звали *Ириной* (возможно, это ее крестильное имя) [Молдован 1984: 98]. Находясь с мужем в Киеве, Ингигерд после смерти была погребена в киевском соборе святой Софии [Гинсбург 1940: 61–62].

Эти достоверные сведения вступают в противоречие с известиями новгородских источников о том, что мать князя Владимира Ярославича звали *Анной* и она погребена вместе с сыном в новгородском Софийском соборе. Пытаясь решить загадку, Н. М. Карамзин предположил, что *Анна* — монашеское

имя Ингигерд-Ирины, которое она приняла перед смертью [Карамзин 1991: 203–204, прим. 34]. Однако веских оснований для такой гипотезы не имеется. Практика принятия монашеского чина перед смертью у князей относится к более позднему времени [Успенский Б., Успенский Ф. 2017: 214–215]. Произвольность и, соответственно, несостоятельность объяснения, предложенного Н. М. Карамзиным, осознавали разные исследователи. Так, М. С. Грушевский предположил, что Анна могла быть первой женой Ярослава Мудрого и от нее мог родиться первенец Ярослава Илья [Грушевский 1905: 32, табл. 1]. Эта мысль была впоследствии развита А. В. Назаренко: опираясь на свидетельство Титмара Мерзебургского, исследователь показал, что первая жена Ярослава Мудрого пребывала с ним в Новгороде. А. В. Назаренко полагал, что имя первой супруги Ярослава, неизвестное по ранним источникам, могло сохраниться в устном предании [Назаренко 2001: 490–491].

Сведения о покаявшихся в Софийском соборе останках «матери» Владимира Ярославича относятся ко времени не ранее XV в. Впервые погребение «матери» основателя новгородского Софийского собора упоминается в Новгородской первой летописи младшего извода под 6947 (1439) г. В этом году новгородский архиепископ Евфимий II перенес мощи, украсил гробницы и установил почитание новгородского князя Владимира и его «матери»:

Того же лета архиепископ Еуфимий позлати гроб князя Володимера, внука великаго Володимера, и подписа; тако же и матери его гроб подписа, и покров положи, и память им устави творити на всякое лето месяца октября в 4 [НПЛ: 420]¹.

В этой летописи, ранние списки которой относятся к середине XV в., «мать» не названа по имени. Только в Новгородской третьей летописи, составление которой относится ко второй половине XVII в., к известию добавлено имя:

Того же лета владыка Евфимий позлати гроб князя Владимира, внука великому князю Владимиру, и матери его Анны гроб позлати, и подписал, и память устави творити на всякое лето месяца октября в 4 день, еже и донныне совершается [НЛ: 272].

Дата 4 октября в установлении почитания Владимира Ярославича неслучайна, поскольку, согласно летописям, князь умер в этот день в 1052 г. [НПЛ: 16]. Иное дело — почитание его настоящей матери Ингигерд, скончавшейся,

¹ То же известие повторено в летописи Авраамки [ПСРЛ 1889: 181].

согласно летописным известиям, в феврале². Что же заставило отнести память матери Владимира Ярославича к тому же дню, что и память самого князя? Ю. Корпела обратил внимание, что в новгородских летописях XV в. известия о строительстве Софийского собора Владимиром Ярославичем и о кончине жены Ярослава Мудрого намеренно сближены. Так, два не связанных между собой известия Повести временных лет — о заложении новгородского Софийского собора в 1045 г. («В лето 6553. Заложил Володимир святую Софию Новогороде» [ПСРЛ 1926: 155]) и о кончине жены Ярослава Мудрого в 1050 г. («В лето 6558. Преставися жена Ярославля княгыни» [Там же]) — в Новгородской первой летописи младшего извода оказались сближены благодаря тому, что заложение Софийского собора датировано 1045 г. (как в Повести временных лет), а завершение строительства отнесено к 1050 г. В результате известие об окончании строительства соединено с упоминанием о смерти жены Ярослава:

В лето 6558. Свершена бысть святая Софеа в Новогороде повелением князя Ярослава и сына его Володимера и архиепископа Луки. И преставися жена Ярославля княгыни [НПЛ: 181].

При этом новгородские летописи не знают ни имени матери Владимира Ярославича, ни того, что она жила с мужем в Киеве, поэтому новгородцы не замечали противоречивости сведений о погребении княгини в Новгороде или о ее имени.

Новгородская Карамзинская летопись, сохранившаяся в списке рубежа XV–XVI вв., в первой летописной выборке повествует о смерти жены Ярослава Мудрого не в статье 1050 г., а в статье 1045 г.:

В лето 6553. Заложил Володимирь святую Софию в Новеграде. Того же лета умре княгини, мати Володимира, жена Ярославля, месяца октября 5 день [ПСРЛ 2002: 64].

Обратим внимание, что умершая княгиня названа матерью князя Владимира Ярославича, о чем не упоминалось в более ранних летописях. Кроме того, указана дата ее кончины — 5 октября. Появление даты смерти княгини в Новгородской Карамзинской летописи неслучайно. Очевидно, что новая дата должна объяснить выбор Евфимием II 4 октября как дня памяти князя Владимира и его матери. Как видим, новгородские летописи XV в. стремились

²Ипатьевская летопись — 10 февраля [ПСРЛ 1908: 143], Софийская первая летопись — 14 февраля [ПСРЛ 2000: 181], что можно расценить как ошибку прочтения. Вероятно, при употреблении кириллических цифр чтение «в 10 день» («в І день») могло быть прочитано как «в ІД день» (ошибочное повторение буквы Д), т. е. как «в 14 день».

обосновать сведения о совершении 4 октября поминаения новгородского князя Владимира Ярославича и его матери, начатом Евфимием II в 1439 г., но не знали имени княгини.

Итак, в новгородских летописях известия о смерти жены Ярослава и о ее останках тесно сплетены с известиями о князе Владимире Ярославиче. В. Л. Янин связывал появление отдельного погребения «матери» Владимира Ярославича в новгородском Софийском соборе с судьбой останков самого князя. В 1439 г. новгородский архиепископ Евфимий II перенес останки князя в западную паперть из Рождественского придела, где при вскрытии древней гробницы, по предположению В. Л. Янина, вместе с Владимиром было обнаружено мумифицированное тело женщины, которое идентифицировали как останки матери князя и положили в той же западной паперти³. Поскольку настоящая мать Владимира Ярославича, Ингигерд, погребена в Киеве, В. Л. Янин предположил, что при Евфимии II в одной гробнице с Владимиром Ярославичем были обнаружены останки не матери, а жены князя [Янин 1988: 134–135, 139–140].

Таким образом, В. Л. Янин пришел к выводу, что именно в 1439 г. в древней гробнице Владимира Ярославича было найдено женское захоронение, опознанное как мать князя. Можно полагать, что сотрудники архиепископа Евфимия II пришли к такому заключению на основании летописного текста, где известия о строительстве новгородского Софийского собора, кончине жены Ярослава Мудрого и его сына Владимира расположены в относительной близости. Внимание к этим сюжетам и стремление сблизить их сохраняются на протяжении всего XV в., однако во всех летописных источниках XV в. «мать» Владимира Ярославича оставалась безымянной.

Наиболее ранним известным В. Л. Янину источником, в котором мать Владимира названа *Анной*, являлась жалованная грамота Ивана IV новгородскому Софийскому собору 1556 г. [Там же: 138], в которой идет речь о церковном почитании царских предков:

...по благоверном в[еликом] князе Володимере Ярославиче да по матери его благоверной в[еликой] княгине Анне, да по благоверном князе Мстиславе Ростиславиче на память их служити панихиды и обедни соборне и по приделом, и на панихидах, и за просфomisанием, и на божественных литургиях, и во ектениях в заупокойных поминати их, докуду мир стоит [Макарий (Миролюбов) 1860: 82].

---

³ При антропологическом обследовании останков так называемой княгини Анны в советское время отмечали наличие мумифицированных следов мягких тканей [Гинсбург 1940: 64–65]. Именно это обстоятельство, вероятно, побудило Евфимия II выделить данное погребение среди иных останков и задаться вопросом о его связи с князем Владимиром Ярославичем, а в дальнейшем способствовало особому церковному почитанию княгини.

При этом оставалось неизвестным, откуда в середине XVI в. узнали ее имя. Однако летописи и жалованная грамота Ивана Грозного — не единственные памятники, упоминающие новгородскую княгиню Анну.

Личности княгини Анны и сведениям о ней посвящена обстоятельная статья Ю. Корпелы. Исследователь отметил, что мать Владимира называют *Анной* только в поздних новгородских летописях XVII в., и пришел к выводу, что погребенная с Владимиром Ярославичем женщина не могла быть его матерью. Этот вывод опирается на результаты проведенного в 1930-е гг. антропологического исследования останков, согласно которому они принадлежат молодой женщине около 30 лет [Корпела 2009: 108]. Ю. Корпела полагал, что обретенную мать Владимира Ярославича могли назвать по аналогии с женой крестителя Руси Владимира Святославича, византийской царевной Анной, и таким образом перенести имена киевской княжеской четы на новгородскую [Там же: 112]. Следует отметить, что в целом подход Ю. Корпелы, который характеризуется опорой на данные источников, без вольных интерпретаций и необоснованных предположений, верен. Однако он привлек не все источники, упоминающие новгородскую княгиню Анну. К их числу относятся также Сказание об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска» и житие новгородского архиепископа Иоанна.

Согласно наблюдениям В. В. Яковлева, Сказание об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска» — поздний памятник, списки которого датируются временем не ранее второй половины XVII в. [Яковлев 1997: 136]. Как показал исследователь, в новгородском летописании первой половины XVII в. содержатся известия об иконе Николы «Круглая доска», которые свидетельствуют о существовании текста сказания уже в это время, однако неизвестны следы бытования сказания ранее XVII в. В сказании повествуется о строителе Николо-Дворищенского собора, князе Мстиславе Владимировиче, который получил исцеление от чудесно приплывшей из Киева к Новгороду круглой иконы св. Николая. Этот агиографический памятник можно было бы считать поздней легендой, если бы не находка А. В. Назаренко, который обнаружил сочинение об исцелении русского князя Харальда от иконы св. Пантелеймона в латинских рукописях XII в. [Назаренко 2001: 585–616]. Известно, что скандинавским именем Мстислава было *Харальд*, а одного из своих сыновей он назвал редким на Руси именем *Пантелеймон*. Таким образом, у Сказания об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска», возможно, был какой-то ранний источник. Это позволило А. В. Назаренко допустить, что сообщаемые в сказании подробности также имеют раннее происхождение [Там же: 608–615]. Одна из них — упоминание бабки Мстислава, княгини Анны. Исследователь сопоставил его с посвящением одного из приделов Николо-Дворищенского собора

святым Иоакиму и Анне, а также с фактом освящения собора в XV в. в день успения св. Анны. Исходя из этого, А. В. Назаренко предположил, что память об Анне, жене Ярослава, приходившейся прабабкой Мстиславу, жила в среде клира Николо-Дворищенского собора и через несохранившуюся древнюю основу проникла в текст позднего Сказания об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска» [Назаренко 2001: 613].

С таким ходом рассуждений нельзя согласиться. Надежным фактом остается позднее происхождение всех известных списков и реминисценций Сказания об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска» — не ранее XVII в. Датировка одного из списков иконы концом XIII – XIV в., предложенная в ходе реставрации [ИВН: 118; Гульманов 2010: 7–21], не может говорить о раннем происхождении сказания. Один из ключевых аргументов в пользу раннего происхождения сказания для А. В. Назаренко заключается в использовании слова *оток* в значении ‘полуостров, мыс’, которое, по мысли исследователя, исчезает после XV в. [Назаренко 2001: 609], Однако эта лексема употреблялась также в XVI–XVII вв. и использовалась в старопечатных изданиях жития Зосимы и Савватия [СлРЯ XI–XVII вв. 13: 289], язык которых издатели стремились делать как можно более понятным. Смешение имен и родственных связей, легендарность сюжета сказания — все это подтверждает выводы В. В. Яковлева о позднем происхождении сказания: оно, вероятно, было создано не ранее XVII в., когда о княгине Анне (ее потомком якобы был князь Мстислав) существовало несколько упоминаний в разных письменных источниках. Из них информация об Анне и могла попасть в сказание, а не наоборот, как считал А. В. Назаренко.

Княгиня упомянута по имени также в основной редакции жития новгородского епископа Иоанна, которая делится на три части: повествование о жизни святого, рассказ о его полете на бесе и описание обретения мощей святителя в 1439 г. («Слово о проявлении мощей святого»). В последней части рассказывается об установлении архиепископом Евфимием II поминания князя Владимира Ярославича и его матери:

устрои память велию преставльшимся княземъ рускимъ: великому князю Владимиру, иже созда великую церковь святую Премудрость Божию, и матере его благовѣрной и великой княгине Аннѣ, и княгинѣ его, и прочимъ княземъ, лежащимъ въ святѣи Премудрости Божии, и ихъ сродникомъ, и архиепископомъ Великого Новаграда [РНБ. Соф. 1317: л. 105об–106].

Этот эпизод отсутствует в проложной редакции жития архиепископа Иоанна, самый ранний список которой датируется 1479 г. [ПС: 246]. Л. А. Дмитриев относил основную редакцию жития архиепископа Иоанна ко времени

до взятия Новгорода Иваном III, т. е. до 1478 г. [Дмитриев 1973: 164–165]. Главным аргументом в пользу ранней датировки для Л. А. Дмитриева был список минеи четьи на сентябрь, который исследователь считал созданным до 1494 г. по заказу игумена Соловецкого монастыря Досифея [РНБ Солов. 500/519]. Однако, как было доказано Т. Б. Карбасовой и А. Г. Сергеевым, «досифеевский» список жития Иоанна Новгородского датируется концом XVI в. [Карбасова, Сергеев 2024: 250–251]. Согласно наблюдениям Т. Б. Карбасовой, наиболее ранний список жития архиепископа Иоанна относится к 1530-м гг. [Карбасова 2022: 128]. Не находя следов более ранней традиции, исследовательница относит формирование основной редакции жития к тому же времени, что и ранние списки [Там же]. Таким образом, житие архиепископа Иоанна позволяет утверждать, что имя княгини Анны было известно уже в 1530-е гг., до появления царской жалованной грамоты 1556 г.

Имя Анны, «матери» Владимира Ярославича, упоминается еще в одном тексте, который до сих пор не привлекался при исследовании данной темы, — в помяннике, входящем в новгородские служебники с начала XVI в. Краткий богослужебный текст представляет собой поминание на заупокойной литии и содержит список князей и княгинь, в том числе новгородских, а также новгородских архиереев [Казаков, Несин 2019: 369–370]. В числе первых записано поминание «великого князя Володимера Ярославича, иже създа святую Софию, и матере его благовѣрныя княгини Анны, и княгини его» [РНБ Соф. 696: л. 118об.]. Судя по упоминаемым в помяннике лицам, он был завершен вскоре после 1501 г., причем наиболее ранние списки относятся к тому же времени, первым годам XVI в. Таким образом, помянник является наиболее ранним текстом, называющим имя «матери» Владимира Ярославича. Сопоставление приведенных выше текстов помянника и жития Иоанна Новгородского показывает, что житие цитирует помянник, дополняя его. Это подтверждает, что помянник является самым ранним текстом, содержащим имя княгини Анны, а житие Иоанна Новгородского, использовавшее помянник в качестве источника, было создано не ранее начала XVI в.

Несомненно, помянник был написан по замыслу архиепископа Новгородского Геннадия, заботившегося о сохранении памяти о новгородских князьях и архиереях, погребенных в соборе святой Софии. Отсутствие каких-либо следов поименного поминания князей и архиереев в новгородской традиции XV в. и резкий рост количества списков, содержащих литийные помянники, в первые десятилетия XVI в. указывают на сознательное распространение новой богослужебной практики в Новгородской епархии. Это позволяет предположить, что поиск имени «матери» Владимира Ярославича был предпринят тогда же, когда составлялся помянник, т. е. на рубеже XV–XVI вв. Как мы

видели, в XV в. отсутствовали источники, в которых можно было бы найти имя княгини. Мы не можем также предполагать, что новгородцы сохранили предание об имени первой, новгородской, жены Ярослава Мудрого (как считал А. В. Назаренко), ведь имя княгини не знали ни при архиепископе Евфимии II, ни во время создания младшего извода Новгородской первой летописи, ни при составлении летописи Авраамки. Маловероятным также кажется предположение Ю. Корпелы, будто имя *Анна* было выбрано, чтобы создать антропонимическую пару *Владимир – Анна* — по аналогии с крестителем Руси и его женой. Такие уподобления широко использовались в гимнографии, но были лишь литературным приемом, позволявшим глубже развить богословскую мысль, однако не использовались для «реконструкции» имени обычного человека. Кроме того, в этом случае имя *Анна* получила бы супруга Владимира Ярославича, а не мать. Между тем жена князя в помянниках остается безымянной, что не позволяет уподоблять новгородскую пару Владимира и Анны крестителю Руси и его супруге.

Это означает, что имя было обречено иным способом — не из текстов или древнего предания. В начале XVI в., без сомнения, хорошо помнили место первоначального погребения князя Владимира — алтарь Рождественского придела, который арочным проемом соединялся с алтарем соседнего придела, посвященного Иоакиму и Анне. Как показал В. Л. Янин, придел Иоакима и Анны был хорошо известен в XV в., поскольку упоминается в Комиссионном списке Новгородской первой летописи [Янин 1988: 173]. Эта близость двух приделов, из которых один имел посвящение родителям Богоматери, а другой — ее Рождеству, в средневековом Новгороде трактовалась как некое единое сакральное пространство. По убедительному предположению В. Л. Янина, останки «матери» князя Владимира в 1439 г., скорее всего, были обнаружены в той же гробнице, где и останки самого князя, что и послужило основой для их идентификации. Вероятно, посвящение Анне придела, расположенного напротив древней гробницы основателя храма и его «матери», натолкнуло новгородцев и архиепископа Геннадия на догадку, что имя погребенной княгини было таким же. Обретение имени княгини, несомненно, должно было способствовать росту ее почитания.

Княгиня Александра

Александра, считавшаяся супругой князя Владимира Ярославича, гораздо меньше известна исследователям — возможно, потому что ее имя появляется поздно и уже в XVII в. исчезает из источников. Летописи не знают жены князя Владимира, хотя повествуют о его сыне Ростиславе, тмутараканском князе. До XVI в. погребение этой княгини источниками не фиксируется.

В какой же момент были обнаружены останки, принятые за княгиню Владимира Ярославича? В. Л. Янин пытался ответить на этот вопрос, исходя из реконструкции процесса формирования княжеского некрополя Софийского собора. По предположению исследователя, после того как в 1439 г. из гробницы князя Владимира Ярославича в алтаре Рождественского придела были извлечены мумифицированные останки князя и некоей женщины, которую атрибутировали как его мать, в эту гробницу переложили останки князя Мстислава Безокого с его женой, которые ранее покоились в южном притворе собора, у Рождественского придела. Далее, согласно В. Л. Янину, новгородцы, забывшие, кто именно лежит в древней гробнице, при ее повторном вскрытии перепутали двух Мстиславов (Безокого и Храброго), а жену князя Мстислава приняли за супругу князя Владимира Ярославича, поскольку именно ему эта гробница принадлежала изначально [Янин 1988: 140]. Повторное вскрытие гробницы в Рождественском приделе В. Л. Янин датирует XVI в., связывая его с устройством нового пола и установкой на нем так называемого аспидного гроба, в который переложили останки князя Мстислава [Там же: 132]. Это могло случиться, по мнению исследователя, после 1510 г., при устройстве кирпичного пола в Софийском соборе, или во второй половине XVI в., когда пол снова был значительно поднят [Там же: 22–23].

Однако можно полагать, что останки княгини были обнаружены раньше, до ремонтных работ XVI в. Так, во вводных статьях к Воскресенской летописи, составление которых следует относить к 1520-м гг., читаем следующее известие:

...а Владимир на Киеве не сеживал, и преставися на Новеграде, и положен бысть в Софеи великой в паперти и со княгиною [ПСРЛ 1856: 232].

Очевидно, что здесь имеется в виду супруга, а не мать князя Владимира. Есть и более раннее упоминание жены князя Владимира — в новгородских помянниках начала XVI в.:

...великого князя Володимера Ярославича, иже създа святую Софию, и матере его благовѣрныя княгини Анны, и княгини его [РНБ Соф. 696: л. 118об.].

Это означает, что новгородцы обнаружили погребение некоей княгини, идентифицировав ее как жену князя Владимира Ярославича, не позднее рубежа XV–XVI вв. На данном этапе невозможно сказать, каким именно образом, когда и в какой части храма были найдены женские останки. Предположение В. Л. Янина, что за жену князя Владимира приняли супругу князя Мстислава Безокого при вскрытии древней гробницы для переложения останков в «аспидный гроб», является исследовательской реконструкцией, не подкрепленной

фактами. Никаких указаний на пребывание останков жены Владимира Ярославича в его изначальной гробнице не имеется. Обретение останков «княгини» Владимира могло быть случайным — например, в связи с перемещением или произвольным разрушением многочисленных безымянных гробниц, стоявших в Софийском соборе⁴. Так, в 1510 г. в Мартириевской паперти треснули («скрыся») гробницы архиепископов Мартирия и Симеона, причем летописец отмечает, что такое неоднократно происходило и раньше [ПСРЛ 2004: 214]. Возможно, при очередном приведении в порядок гробниц вблизи князя Владимира Ярославича были обнаружены останки, которые были приняты за прах его жены. При этом в отличие от Владимира Ярославича и его «матери», о которых в текстах конца XVI–XVII в. неоднократно говорилось, что они лежат «нетленно в теле», о целостности останков жены князя не сказано ни разу. Вопрос о нетленности мощей был исключительно важен (особенно для причисления к лику святых), поэтому целостность останков обязательно отмечалась современниками. Это позволяет предположить, что останки «княгини» Владимира Ярославича представляли собой кости, а на женское погребение могло указывать не истлевшее платье [Янин 1988: 151]. В этом случае навести на мысль, что останки принадлежат супруге князя, могло только их расположение рядом с мощами Владимира Ярославича. Скорее всего, находка была сделана при архиепископе Геннадии, когда начали собирать сведения о покаявшихся в Софийском соборе князьях, или немногим раньше.

В XVI в. гробница «княгини» князя Владимира Ярославича находилась по соседству с Корсунской папертью, в приделе святого Стефана [Там же]. Была ли она в том же приделе ранее или останки были перемещены из другого места, в настоящее время неизвестно, поскольку ни Корсунская паперть, ни останки «княгини Александры» никогда не исследовались. Как и «мать» Владимира Ярославича, его жена первые десятилетия оставалась безымянной. Это не мешало церковному поминанию, но препятствовало распространению сведений о ней. Так, в жалованной грамоте Ивана Грозного, данной Софийскому собору в 1556 г. для поминания царских предков, названы князь Владимир Ярославич и его мать Анна, но нет ни слова о супруге князя. Именно это внимание царя к поминанию предков послужило толчком к составлению новых синодиков не только в Новгороде, но и в других городах. На это прямо указывает нижегородский синодик 1556 г., в котором о царском роде говорится:

Сих поминати на литиях по вся дни по грамоте цареви [СНВПМ: 46].

⁴Так, в описании новгородских гробниц 1626–1634 гг. сказано: «Да в Корсунской же паперти лежат мнози епископы и архиепископы...» [Янин 1988: 218].

Подобная грамота была послана Иваном IV и во Владимир. В ней содержалось предписание помянуть тех князей и княгинь, погребения которых имелись в храмах города Владимира. Сама грамота не сохранилась, но известна ссылка на нее как на «указ царя и великого князя Ивана Васильевича», которая предваряет перечень панихид владимирским князьям в рукописях XVII–XVIII вв. [Доброхотов 1849: 60–66].

После получения в 1556 г. царской грамоты в Новгороде создаются два обширных синодика разного состава, причем в обоих максимально полно представлен как великокняжеский род, включая новгородских князей, так и общерусские митрополиты и новгородские архиепископы. Первый из них — это литийный синодик с синодичным предисловием [РНБ Соф. 1552]. Его составление Т. И. Шаблова датирует 1558 г. по ряду косвенных признаков [НС: 46–47]. Синодик включает заупокойную литию, в которой, помимо родов, записаны имена великих и удельных князей и княгинь, распределенные по разделам: сначала все великие князья, затем благоверные князья, следом великие княгини. В последовательности имен прослеживается структура новгородских помянников, очевидно, послуживших источником при составлении синодика, однако краткий перечень новгородских князей изъят из списка великих князей и перенесен к благоверным князьям. Список великих княгинь в синодике 1558 г. повторяет перечень из новгородских помянников начала XVI в., в которых помянутое открывалось именем великой княгини Александры Ивановны, второй жены великого князя Ивана Красного (ум. 1364). Однако в синодике перед Александрой записана «великая княгиня Анна», имя которой изъято из помянутого семьи Владимира Ярославича и поставлено в начало перечня княгинь — как самой ранней известной великой княгини. Так в литийном синодике 1558 г. первыми в списке (наиболее ранними) княгинями стали Анна и Александра, чьи имена не сопровождались никакими уточнениями, позволявшими понять, о ком именно идет речь. В такой форме литийное помянутое получило распространение в новгородских землях, поскольку из синодика лития выписывалась в служебники⁵.

Одновременно со вседневным литийным синодиком в Новгороде приступили к подготовке Синодика в неделю Православия. Он имел иную структуру и предназначался для богослужения один раз в году, перед началом Великого поста. При этом в Синодик в неделю Православия также включались обширные списки поминаемых лиц, в которых вслед за константинопольскими патриархами шли русские митрополиты, новгородские архиепископы и русские

⁵ Аналогичная последовательность великих княгинь (Анна, Александра) сохранилась в двух рукописях второй половины XVI в. [РНБ Соф. 674: л. 101об–103; РНБ Соф. 672: л. 141–141об].

святые, а затем князья и иные лица, пострадавшие за веру и отечество [СНП: 24–26]. В Новгороде это был первый опыт создания Синодика в неделю Православия, поэтому его приходилось составлять, по крупицам собирая сведения о князьях, княгинях и простых людях, убиенных в различных «бранях». Синодик был завершён в 1559 г., т. е. немногим позже литийного синодика. Возможно, две объемные книги готовились разными людьми. В Синодике в неделю Православия в числе первых княжеских имен назывались создатели Софийского собора:

Благовѣрному и христоробивому великому князю Владимиру Ярославичю и матери его благовѣрной и христоробивой великой княгинѣ Аннѣ, и благовѣрной и великой княгинѣ его Александрѣ вѣчная память [СНП: 85].

Как видим, в тексте цитируется помянник, но с добавлением имени Александры.

Это имя могло появиться в синодике 1559 г. только путем «обратной реконструкции» на основе текста синодика 1558 г., в котором две древнейшие княгини (без каких-либо уточнений, которые позволяли бы понять, к какому времени они относятся) названы *Анной* и *Александрой*. Можно полагать, что составителей Синодика в неделю Православия смутило отсутствие имени жены Владимира Ярославича и в его поисках они заглянули в наиболее полный на тот момент свод имен поминаемых — литийный синодик 1558 г. Обнаружив, что двух древнейших великих княгинь звали *Анна* и *Александра*, составители синодика соотнесли их с родственницами Владимира Ярославича.

Это позволяет утверждать, что жена Владимира Ярославича получила имя *Александра* в 1559 г. Действительно, неизвестно ни одного более раннего упоминания ее имени. В то же время со второй половины XVI в. имя *Александра* фиксируется в новгородских синодиках [СНП: 122]. В описании новгородских гробниц, составленном между 1626 и 1634 гг., после описания гробниц князя Владимира Ярославича и его матери Анны в Корсунской паперти автор упоминает гробницу княгини Александры, находящуюся в соседнем приделе архидьякона Стефана [Янин 1988: 218]. В описании гробниц 1634 г. подчеркнуто, что князь Владимир Ярославич и его мать Анна «почтены от Бога нетлением», а далее упомянута гробница княгини Александры без какого-либо указания на нетленность ее мощей [Там же: 221–222]. В чиновнике новгородского Софийского собора, составление которого относится ко времени царствования Михаила Федоровича, подробно описаны кормы по великой княгине Александре, ставившиеся отдельно от иных гробниц [Голубцов 1899: 38–39]. Таким образом, гробница княгини Александры неоднократно упоминается в первой половине XVII в., вплоть до 1634 г.

Новгородская летописная традиция XVII в. сохранила известие о перенесении мощей князя Владимира Ярославича и его матери Анны из Корсунской паперти в наос 13 августа 1654 г. [Тихомиров 1940: 85–88]. Известно, что в это время новгородский митрополит Макарий проводил в Софийском соборе ремонтные работы, в частности менял полы (*помост*) и перемещал иконы со столпов на стены собора, чтобы расширить пространство. Этой же цели могло служить перенесение гробниц князя Владимира Ярославича и его матери, поскольку ранее они стояли на полу Корсунской паперти, а после перенесения — в нишах, специально вырубленных в стенах собора. Мощи князя и его «матери» были нетленными, и потому их торжественно перенесли в другую часть храма. Вероятно, тогда же для расширения соборного пространства была спущена под пол гробница княгини Александры. Над ней вплоть до XIX в. сохранялась «надгробница» — знак с надписью о погребении княгини Александры, а в советское время под полом была обнаружена гробница с хорошо сохранившейся одеждой [Янин 1988: 151]. Кому принадлежат останки, принимаемые за княгиню Александру, к какому времени они относятся, перемещались ли из одной гробницы в другую — на эти вопросы можно будет ответить после археологического и антропологического исследования гробницы, сохранившейся под полом Стефановского придела.

Выводы

Имена древнейших новгородских княгинь, «матери» князя Владимира Ярославича *Анны* и его «жены» *Александры*, появляются в письменных источниках не ранее XVI в. Имя Анны впервые фигурирует в помяннике в составе рукописных служебников, создание которого следует отнести ко времени вскоре после 1501 г., а имя Александры появляется в Синодике в неделю Православия, написанном для новгородского Софийского собора в 1559 г. Имя Анны, вероятно, было «реконструировано» сотрудниками новгородского архиепископа Геннадия на рубеже XV–XVI вв. на том основании, что первоначально ее останки покоились в Софийском соборе рядом с приделом Иоакима и Анны. Посвящение придела св. Анне могло быть сочтено за указание на имя погребенной поблизости княгини. Имя Александры — результат путаницы, когда имя второй жены Ивана Калиты, княгини Александры, написанное в литийном синодике 1558 г. вслед за Анной — «матерью» Владимира Ярославича, было принято за имя жены Владимира Ярославича. Таким образом, имена древнейших новгородских княгинь Анны и Александры являются результатом ошибочных средневековых атрибуций и не могут считаться достоверными.

Источники

- Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М. : Унив. тип., 1899.
- ИВН — Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI в. М. : Северный паломник, 2008.
- НЛ — Новгородские летописи / изд. Археограф. комиссии. СПб. : Тип. АН, 1879.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- НС — Новгородские синодики XIV–XVII веков / подгот. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб. : Алетей, 2017.
- ПС — Пролог стишной на сентябрь-февраль. 1479 г., Хутынский монастырь // Российский государственный исторический архив. Ф. 834 : Собрание Синода. Оп. 3. № 3933.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 7 : Летопись по Воскресенскому списку. СПб. : Тип. Э. Праца, 1856 ; Т. 16 : Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб. : [б. и.], 1889 ; Т. 2 : Ипатьевская летопись. СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908 ; Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Л. : Гос. акад. тип, 1926 ; Т. 6, вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода. М. : Языки русской культуры, 2000 ; Т. 42 : Новгородская Карамзинская летопись / отв. ред. В. И. Буганов, Б. А. Рыбаков. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002 ; Т. 43 : Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского / под ред. О. Л. Новиковой. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- РНБ Солов. 500/519 — Миней-четья на сентябрь. XVI в. // Российская национальная библиотека. Собрание Соловецкого монастыря. № 500/519.
- РНБ Соф. 1317 — Сборник (XVI в.) // Российская национальная библиотека. Софийское собрание. № 1317.
- РНБ Соф. 1552 — Синодик (XVI в.) // Российская национальная библиотека. Софийское собрание. № 1552.
- РНБ Соф. 672 — Служебник (XVI в.) // Российская национальная библиотека. Софийское собрание. № 672.
- РНБ Соф. 674 — Служебник (XVI в.) // Российская национальная библиотека. Софийское собрание. № 674.
- РНБ Соф. 696 — Служебник (XVI в.) // Российская национальная библиотека. Софийское собрание. № 696.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- СНВПМ — Синодик Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря 1552 года. Синодик опальных царя Ивана Грозного / публ. Б. М. Пудалова. Нижний Новгород : Изд. отдел Нижегород. епархии, 2009.
- СНП — Синодик в неделю Православия Софийского собора Великого Новгорода / подгот. текстов, исслед. Т. И. Шабловой. СПб. : Алетей, 2018.

Исследования

- Гинсбург В. В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры / отв. ред. С. Н. Бибииков. Вып. 7. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. С. 57–66.
- Грушевський М. Історія України-Руси : в 10 т. 2-е изд., доп. Т. 2 : XI–XIII вік. Львів : Тип. Науч. т-ва им. Т. Шевченко, 1905.
- Гульманов А. Л. Круглая икона святителя Николая Чудотворца из Николо-Дворищенского собора в Великом Новгороде // Вестник Православного Свято-Тихоновского

- гуманитарного университета. Сер. V : Вопросы истории и теории христианского искусства. 2010. Вып. 1 (1). С. 7–21.
- Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л. : Наука, 1973.
- Доброхотов В. И. Памятники древности во Владимире Клязменском. М. : Унив. тип., 1849.
- Казаков А. А., Несин М. А. Новгородский помянник начала XVI в. // *Novogardia*. 2019. № 4. С. 369–392. <https://doi.org/10.25797/NG.2019.4.4.017>
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М. : Наука, 1991. Т. 2–3.
- Карбасова Т. Б. К вопросу о почитании мощей русских святых в первой половине XVI в. // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации : сб. ст. к 70-летию А. Г. Мельника / сост. Л. Ю. Мельник. М. : Квадрига, 2022. С. 117–129.
- Карбасова Т. Б., Сергеев А. Г. О некоторых агиографических сюжетах в рукописях второй половины XV в. // Труды отдела древнерусской литературы. 2024. Т. 71. С. 243–266.
- Корпела Ю. Святая Анна Новгородская: факт и правда в истории // Российская история. 2009. № 3. С. 107–116.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей X–XV вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М. : Индрик, 2006.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Династический мир домонгольской Руси. М. : Изд-во Олега Абышко, 2020.
- Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях : в 2 ч. Ч. 1. М. : Тип. В. Готье, 1860.
- Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев : Наукова думка, 1984.
- Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. Чтения памяти В. Т. Пашуто : тез. докл. / отв. ред. А. П. Новосельцев. М. : ИРИ РАН, 1992. С. 44–47.
- Молчанов А. А. Древнерусский антропонимический элемент в династических традициях стран Балтии XII–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В. Т. Пашуто : тез. докл. / отв. ред. А. П. Новосельцев. М. : ИРИ РАН, 1994. С. 24–26.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М. : Языки русской культуры, 2001.
- Пчелов Е. В. Варяжские имена первых князей в русской ономастике // *Novogardia*. 2020. № 1. С. 308–317. <https://doi.org/10.25797/NG.2020.5.1.012>
- Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. // Новгородский исторический сборник. 1940. Вып. 7. С. 66–114.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М. ; СПб. : Нестор-История, 2017.
- Яковлев В. В. Сказание об иконе Николая Чудотворца «Круглая доска» и поздняя летописная традиция // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность : сб. ст. в честь В. К. Зиборова / ред. Ю. Г. Алексеев, Н. Ю. Бубнов. СПб. : Наука, 1997. С. 136–144.
- Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М. : Наука, 1988.

References

- Dmitriev, L. A. (1973). *Zhitiinye povesti Russkogo Severa kak pamiatniki literatury XIII–XVII vv.: Evoliutsiia zhanra legendarno-biograficheskikh skazanii* [Hagiographic Tales of the Russian North as Monuments of 13th–17th Century Literature: The Evolution of the Legendary-Biographical Genre]. Leningrad: Nauka.

- Dobrokhoto, V. I. (1849). *Pamiatniki drevnosti vo Vladimire Kliazmenskom* [Monuments of Antiquity in Vladimir-on-Klyazma]. Moscow: Universitetskaia tipografiia.
- Ginsburg, V. V. (1940). Ob antropologicheskom izuchenii skeletov Yaroslava Mudrogo, Anny i Ingigerd [On the Anthropological Study of the Skeletons of Yaroslav the Wise, Anna, and Ingegerd]. In S. N. Bibikov (Ed.), *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniiaakh Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Reports on Presentations and Field Research of the Institute of the History of Material Culture] (Vol. 7, pp. 57–66). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Grushevsky, M. (1905). *Istoriia Ukraini-Rusi* [History of Ukraine-Rus] (2nd ed., Vol. 2). Lviv: Tipografiia Naukovoho tovarystva im. T. Shevchenka.
- Gulmanov, A. L. (2010). Kruglaia ikona sviatitelia Nikolaia Chudotvortsia iz Nikolo-Dvorishchenskogo sobora v Velikom Novgorode [The Round Icon of St Nicholas the Miracle-Worker from the Nikolo-Dvorishchensky Cathedral in Veliky Novgorod]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*, 1, 7–21.
- Karamzin, N. M. (1991). *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State] (Vols. 2–3). Moscow: Nauka.
- Karbasova, T. B. (2022). K voprosu o pochitanii moshchei russkikh sviatykh v pervoi polovine XVI v. [On the Veneration of the Relics of Russian Saints in the First Half of the 16th Century]. In L. Yu. Melnik (Ed.), *Akroterii. Problemy istorii, iskusstvovedeniia, arkhitektury i restavratsii: sbornik statei k 70-letiiu A. G. Mel'nika* [Akroteria. Problems of History, Art History, Architecture and Restoration: Collection of Articles for the 70th Anniversary of A. G. Melnik] (pp. 117–129). Moscow: Kvadriga.
- Karbasova, T. B., & Sergeev, A. G. (2024). O nekotorykh agiograficheskikh siuzhetakh v rukopisiakh vtoroi poloviny XV v. [On Some Hagiographic Plots in Manuscripts of the Second Half of the 15th Century]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 71, 243–266.
- Kazakov, A. A., & Nesin, M. A. (2019). Novgorodskii pomiannik nachala XVI v. [A Novgorod Commemoration List of the Early 16th Century]. *Novogardia*, 4, 369–392. <https://doi.org/10.25797/NG.2019.4.4.017>
- Korpela, Yu. (2009). Sviataia Anna Novgorodskaia: fakt i pravda v istorii [Saint Anna of Novgorod: Fact and Truth in History]. *Rossiiskaia istoriia*, 3, 107–116.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2006). *Vybor imeni u russkikh kniazei X–XV vv. Dinasticheskaiia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [Name Choice among Russian Princes of the 10th–15th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow: Indrik.
- Litvina, A. F., & Uspenskij, F. B. (2020). *Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi* [The Dynastic World of Pre-Mongol Rus']. Moscow: Izd-vo Olega Abyshko.
- Makarii (Miroljubov), arkhim. (1860). *Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostei v Novgorode i ego okrestnostiakh* [Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and Its Surroundings] (Vol. 1). Moscow: Tipografiia V. Gotye.
- Molchanov, A. A. (1992). Drevneskandinavskii antroponimicheskii element v dinasticheskoi traditsii roda Riurikovichei [The Old Norse Anthroponymic Element in the Dynastic Tradition of the Rurikids]. In A. P. Novoseltsev (Ed.), *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Spornye problemy. Chteniia pamiati V. T. Pashuto: tezisy dokladov* [The Formation of the Old Russian State: Debatable Issues. Conference in Memory of V. T. Pashuto] (pp. 44–47). Moscow: IRI RAN.
- Molchanov, A. A. (1994). Drevnerusskii antroponimicheskii element v dinasticheskikh traditsiiakh stran Baltii XII–XIII vv. [Old Russian Anthroponymic Elements in Dynastic Traditions

- of the Baltic States in the 12th–13th Centuries]. In A. P. Novosel'tsev (Ed.), *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Drevniaia Rus' v sisteme etnopoliticheskikh i kul'turnykh svyazei. Chteniia pamiati V. T. Pashuto* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Ancient Rus' in the System of Ethnopolitical and Cultural Relations. Conference in Memory of V. T. Pashuto] (pp. 24–26). Moscow: IRI RAN.
- Moldovan, A. M. (1984). “*Slovo o zakone i blagodati*” Ilariona [Hilarion's Sermon on Law and Grace]. Kyiv: Naukova dumka.
- Nazarenko, A. V. (2001). *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv.* [Ancient Rus' on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Connections in the 9th–12th Centuries]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
- Pchelov, E. V. (2020). Variazhskie imena pervykh kniazei v russkoi onomastike [Varangian Names of the Early Princes in Russian Onomastics]. *Novogardia*, 1, 308–317. <https://doi.org/10.25797/NG.2020.5.1.012>
- Tikhomirov, M. N. (1940). Novgorodskii khronograf XVII v. [The 17th-Century Novgorod Chronicle]. *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, 7, 66–114.
- Uspenskij, B. A., & Uspenskij, F. B. (2017). *Inocheskie imena na Rusi* [Monastic Names in Rus']. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Yakovlev, V. V. (1997). Skazanie ob ikone Nikolaia Chudotvortsa “Kruglaia doska” i pozdniaia letopisnaia traditsiia [The Tale of the Icon of St Nicholas the Miracle-Worker “The Round Board” and the Late Chronicle Tradition]. In Yu. G. Alekseev, & N. Yu. Bubnov (Eds.), *Opyty po istochnikovedeniiu. Drevnerusskaia knizhnost': sbornik statei v chest' V. K. Ziborova* [Essays on Source Studies. Old Russian Literature: A Festschrift for V. K. Ziborov] (pp. 136–144). St Petersburg: Nauka.
- Yanin, V. L. (1988). *Nekropol' novgorodskogo Sofiiskogo sobora. Tserkovnaia traditsiia i istoricheskaia kritika* [The Necropolis of Novgorod's St Sophia Cathedral: Church Tradition and Historical Criticism]. Moscow: Nauka.